

# ГЛАС ПУСТОТЫ

“Одиночество —  
это не пустота вокруг.  
Это то, чем ты заполнен  
до краев.”

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

ЮЛИЯ КОЗГОВА

18+

Юлия Козгова

**Глас пустоты**

«Автор»

2026

**Козгова Ю. Д.**

Глас пустоты / Ю. Д. Козгова — «Автор», 2026

ГЛАС ПУСТОТЫ Мир стоял на пороге неизбежного раскола, когда из столкновения первородного света и абсолютной тьмы родился он — зловещий и безмолвный Глас, несущий гибель всему живому. Небеса обагрились пеплом, привычная реальность рассыпается на осколки, а древние боги и люди оказались лишь пешками в глобальной игре на уничтожение. На опустошенной, погружающейся в хаос земле человек в потертой кожаной куртке лицом к лицу сталкивается с надвигающейся бурей. Ему предстоит сделать выбор перед лицом вселенской энтропии: смириться с абсолютной пустотой или попытаться найти выход там, где даже звезды давно перестали гореть. Мрачный, атмосферный фантастический роман о конце времен, тяжести выбора и рождении зла, которое невозможно перекричать.

© Козгова Ю. Д., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                          |    |
|------------------------------------------|----|
| ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Там, где обрывается мир | 24 |
| ГЛАВА ПЯТАЯ. Тени прошлого               | 31 |
| Конец ознакомительного фрагмента.        | 34 |



## Юлия Козгова

### Глас пустоты

Октябрь 2023 года. Люминар. Маяк.

Третий час удушающей вахты на смотровой площадке подходил к концу. Ледяной ветер, врывающийся с залива, казался сырым и липким — словно гниющий, забытый на веревке саван. Эйнар давно сросся с этим запахом: едкая соль, разлагающиеся бурые водоросли, иссушенное временем трухлявое дерево. Этот удушливый букет запахов вьелся в кожу столь глубоко, что старик перестал его ощущать. Так обитатели проклятых домов со временем перестают слышать зловещее тиканье часов в запертых комнатах.

Седовласый хранитель разменял восьмой десяток — ему исполнилось семьдесят три года. Он пришел в этот мир в суровом 1950-м, ровно через пять лет после того, как отгремели последние залпы безжалостной войны. Три десятилетия старик неотлучно нес свою службу: следил, чтобы вечный огонь маяка пожирал масло, и оберегал покой тех несчастных, что стекались к Кругу Перехода в поисках зловещих истин. Тридцать лет монотонного кошмара стерли его прошлое. Память угасла, не оставив и следа от того, кем он был прежде. Казалось, эта исполинская каменная башня породила его сама.

Но это было не так.

Истоки жизни Эйнара брали начало в убогой лачуге на глухой окраине города. Глава семейства, Карл, гнул спину на сыром рыбном складе, а мать Марта раздираала руки до крови, стирая в ледяной воде чужое тряпье.

В этой беспросветной мгле теплилась лишь одна искра — младшая сестра Эльза, родившаяся в 1955 году, когда Эйнару исполнилось пять. Он помнил малютку прозрачной, хрупкой, точно фарфоровая кукла. На её бледном лице сияли бездонные, полные немого обожания к брату, серые глаза. Отец боготворил свою кроху, величал «маленьким ангелом» и бережно носил на крепких плечах, словно защищая от жестокого мира.

Беда нагрянула внезапно в год десятилетия Эйнара. Пятилетнюю сестренку подкосила лихорадка. Сначала изнуряющий жар списали на обычную простуду, но удушливый кашель не прекращался, терзая грудь ребенка. Спустя семь мучительных дней девочка лишилась сил подняться с постели. Лекари вынесли безжалостный вердикт: туберкулез. Смертный приговор без права на надежду.

Свеча жизни Эльзы угасла через три месяца. Ей едва исполнилось пять лет.

Эйнар неподвижно стоял у свежерытой могилы, замороженно наблюдая, как дощатый гроб погружается в сырую пасть земли. Сухие глаза мальчика не знали слез — он попросту не понимал, как оплакивать мертвецов. Маленький свидетель трагедии безмолвно внимал глухому стуку комьев грязи по крышке гроба. В детском разуме билась лишь одна леденящая мысль: эти серые омуты глаз больше никогда не обратятся к нему, и детский шепот никогда не попросит: «Эйнар, почитай мне сказку».

Ровно через год рок забрал и отца. Смерть настигла Карла посреди зловонных складов: прогнившие деревянные стеллажи с диким треском обрушились, погребая его под грудой тяжелых бочек с соленой рыбой. Несчастного раздавило мгновенно. Эйнару в тот черный год исполнилось одиннадцать.

Вдова не проронила ни единой слезы у разверстой могилы мужа. Застыв безжизненным извоянием у свежего деревянного креста, Марта уставилась в никуда остекленевшим, мертвым взором. У нее не осталось слез — ни для мужа, ни для покойной дочери. Женщина погрузилась в глухое, пугающее молчание, а затем погрузилась в алкогольный дурман.

Сырое зловоние дешевого пойла навсегда пропитало стены их лачуги. Мать пила беспробудно: заливала горе на закате, глушила сознание на рассвете, засыпала в беспамятстве.

Чужое белье покрывалось плесенью, очаг остыл, а человеческая речь исчезла, оставив ее губы безмолвными. Одинокaя тень часами сидела в углу, вперив безумный взгляд в пустую стену.

Материнский инстинкт сгорел в парах спирта, уступив место лютой, садистской ненависти к выжившему сыну. Марта презирала Эйнара за то, что его легкие продолжали дышать, в то время как Эльзу пожирал тлен. Побои стали обыденностью. Жестокие удары по лицу, спине и голове врезались в память мальчика каленым железом. Озверевшая женщина истязала его в приступах пьяной ярости и в моменты угрюмого похмелья, карая за то, что он посмел остаться в живых.

— Почему ты дышишь, а она гниет?!

— иступленно выла Марта. — Почему земля забрала не тебя?!

Эйнар лишь безмолвно сжимал зубы, снося удары.

В четырнадцать лет подросток разорвал эти путы. Не проронив ни звука на прощание, парень собрал жалкие пожитки и шагнул за порог, навсегда отрекаясь от проклятого дома. Впереди ждала безжалостная улица: холодный кафель вокзалов, грошовый каторжный труд, голод. Он не молил о милосердии и не протягивал руку за подаванием, ведя тихую войну за выживание.

Смерть матери прошла мимо него. Два года спустя — в 1966-м — цирроз печени окончательно доконал опустившуюся женщину. Её прах был упокоен рядом с мужем и дочерью на том же заброшенном погосте. Эйнар узнал об этом мимоходом от портовых оборванцев. Юноша не пришел на её могилу. Он лишь долго стоял на краю причала, вглядываясь в бездонную пучину моря.

Эйнара будто ударило током: на всей земле у него не осталось ни единой родной души.

\*\*\*

Судьбоносный 1969 год привел скитальца под сень маяка. Всё предрешил случай. Изгнанный с очередной копеечной работы, юноша брел вдоль пустынного побережья, пока взгляд не зацепился за полустертую, поросшую бурьяном тропу, уползающую на дикий мыс. Ноги сами понесли его вперед, навстречу неизвестности.

И тогда перед ним возник Маяк. Белоснежный колосс возвышался над бездной, словно гигантский костяной перст, грозящий небесам. Эйнар видел эту башню с детства, из окон своего далекого бедного квартала, но лишь теперь, оказавшись лицом к лицу с исполином, ощутил первобытный трепет. Строение казалось одушевленным. Из его каменных глубин доносился едва уловимый ритмичный гул, похожий на тяжелое, натужное дыхание дремлющего чудовища.

Тяжелая дубовая дверь манила зияющей чернотой — она была приоткрыта. Эйнар переступил порог. Подъем по крутой винтовой лестнице казался бесконечным, каждый шаг дробился гулким, потусторонним эхом в каменной утробе. На верхней смотровой площадке застыл старик.

Он неподвижно сидел на каменном выступе, устремив взор на свинцовые волны. Время стерло его возраст: лицо покрывала густая сеть глубоких морщин, напоминающая древнюю карту забытых захоронений. Пальцы походили на узловатые, иссохшие корни векового дерева. Старик казался неотъемлимой частью самой башни, её живым наростом.

— Наконец-то ты явился, — проскрипел незнакомец, даже не повернув головы.

Ужас велел Эйнару бежать прочь, но ноги словно вросли в холодные плиты пола.

— Ты здесь, — эхом повторил старик, и в его голосе послышался шелест сухой листвы.

— Я слишком долго ждал тебя.

Его звали Олафом. Полвека этот человек безвыездно нес вахту на краю обитаемого мира. Рожденный на заре столетия, в 1900 году, он давно утратил счет собственным годам и стер из памяти земное прошлое. Маяк заменил ему кров и семью. Десятилетиями Олаф не покидал пределов мыса, зная наизусть характер каждого камня, зловещий шепот трещин и стон башни

под ударами бурь. Он безошибочно читал настроение колосса — знал, когда тот погружен в дремоту, а когда жаждет крови и жертв.

— Мне нужно пристанище..., любая работа, — хрипло выдавил Эйнар. — Я справлюсь с чем угодно.

Олаф медленно повернул голову. В его помутневших глазницах клубилась вековая, мертвенная усталость духа, познавшего слишком много. Но на самом дне этих зрачков мерцал едва заметный, пугающий огонек — гипнотический свет бездны.

— Ты примешь этот пост, — вынес вердикт старый безумец. — Не завтра. Но твоя судьба уже запечатана здесь.

Началось долгое, изнурительное обучение. Старик ревностно передавал неопиту тайные знания: как пробуждать к жизни слепящее пламя в недрах лампы, как полировать гигантские стеклянные линзы Френеля, похожие на фасеточные глаза неведомого насекомого. Но главное — наставник учил его вслушиваться в безмолвие башни, воспринимая её не слухом, а обнаженными нервами. Распознавать фазы её бытия: моменты летаргического покоя, периоды томительного ожидания и минуты, когда исполин снисходил до ответа.

— Маяк — это не бездушный кусок гранита, источающий свет, — напутствовал Олаф, понижая голос до шепота. — Он обладает голосом. Но вещает лишь для тех, чья душа созвучна его вибрациям. Настанет день и ты услышишь его песнь.

Эйнар впитывал науку плотью и кровью. Сутки за сутками он жадно запечатлевал в сознании поучения наставника: удушающий запах раскаленного масла, замогильный скрежет шагов по винтовым пролетам, безумный вой штормов. Особое место в его мыслях занял загадочный Круг Перехода, чьи очертания у подножия башни приобретали зловещий вид под мертвенным сиянием летнего солнцестояния.

— Что таит в себе этот Круг? — решился однажды спросить ученик.

Олаф одарил его долгим, пронизывающим до костей взглядом, в котором сквозило безумие.

— Это пограничные врата, — прошептал старик. — Алтарь, где смертные выманивают ответы на вопросы, непостижимые для живого разума. Вопросы, которые башня способна принять лишь в том случае, если они проникнуты искренностью.

— Но как отличить искренний призыв?

— Искренний вопрос задают не из жажды утешения, — жестко отрезал Олаф. — Его бросают в бездну, будучи готовым сгореть в пламени её беспощадной правды.

Последний ритуал

Память Эйнара стерла точный возраст, в котором ему впервые довелось воочию узреть таинство Круга Перехода. Юность уже покидала его тело, уступая место суровой зрелости человека, осознавшего всю тяжесть бремени преемственности.

— Этой ночью, — объявил Олаф, и его старческое лицо озарилось зловеще-торжественной радостью, — башня исторгнет призрачное синее пламя. Ты поделишь со мной эту вахту. Ты будешь созерцать и внимать.

Когда мертвенно-бледный диск луны выплыл из черных вод океана, Эйнар застыл у подножия башни. Из темноты, подобно безмолвным теням, начали стекаться безликие фигуры. Паломники несли подношения: горсти могильной соли, срезанные пряди волос, увядшие бутоны и исписанные кровью клочки бумаги. Они благоговейно опускали эти подношения на плиты Круга Перехода и замирали в томительном, кошмарном ожидании.

Олаф взошел на вершину и совершил нечто невообразимое — вершину маяка увенчало inferнальное синее пламя. Этот потусторонний огонь полыхал без единого клочка дыма, не выделяя тепла. Холодный, призрачный свет залил окрестности, вырывая из тьмы то, чему лучше оставаться сокрытым.

Эйнар стоял, оцепенело глядя на каменную кладку, где под воздействием синего свечения начали появляться фосфоресцирующие символы: закручивающаяся вовнутрь спираль, слеза черной влаги, разящий луч. Наследник не принес даров и не посмел потревожить тишину своим вопросом. Он лишь безмолвно созерцал, чувствуя, как нечто ледяное и чуждое проникает под его кожу, перекраивая саму суть души. В этот миг исполинское каменное сердце маяка совершило первый удар в унисон с его собственным.

Спустившись со смотровой площадки, Олаф походил на восставшего мертвеца — осунувшийся, лишенный сил, но с лихорадочно блестящими очами.

— Твой взор узрел истину? — спросил он.

— Да.

— Твой разум запечатлел начертанное?

— Навечно.

— Значит, час пробил. Ты готов принять наследие.

Смерть Олафа

Великий рубеж тысячелетий унес жизнь патриарха. В 2000 году Олаф просто опустился на холодный каменный настил смотровой площадки и без единого вздоха отдал душу башне. Эйнар предал его иссохшее тело земле у самого подножия колосса, в точности исполнив последнюю волю покойного. Глаза преемника вновь остались сухими — слезы давно замерзли в его груди. Хранитель лишь стоял над холмиком земли, омываемым солеными брызгами, и безмолвно созерцал бескрайнюю водную могилу. Он осознал: отныне эта каменная тюрьма безраздельно принадлежит ему.

С этого дня Эйнар стал полноправным узником маяка. Вся его нехитрая жизнь сжалась до размеров тесной, промерзлой кельи в толще стены. Мужчина отказался от мирских утех: не познал тепла семейного очага, не оставил наследников. Маяк поглотил его без остатка, требуя ежесекундного служения. Новый хозяин безукоризненно контролировал состояние горелки, натирал оптику до зеркального блеска, часами вглядывался в штормовую мглу и жадно прислушивался к каждому шороху стен. Он преданно ждал, когда безмолвный исполин вновь заговорит с ним.

Однако сам задавать вопросы так и не решился. Слишком велик был первобытный ужас перед правдой бездны.

Вопрос

Зловещее знамение явилось в 2020 году, когда хранителю исполнилось семьдесят лет. В положенный час inferнальный синий свет не озарил ночную мглу. Эйнар неподвижно высился на смотровой площадке, оцепенев под бледными звездами и уставившись на мертвый, покинутый Круг. Старик простоял без сна до самого рассвета, чувствуя, как ледяные тиски пронизывают плоть, а воцарившееся молчание давит на барабанные перепонки, становясь громче любого крика. Пришло страшное осознание: маяк умолк вовсе не из упрямства. Древнее существо в глубине камня попросту ослепло и оглохло к земным мольбам.

Три долгих года старик изводил свой разум ежевечерними думами. Он скрупулезно воскрешал в памяти чужие безумные вопросы и призрачные письма, проступавшие на стенах. Но разгадка ускользала, оставляя лишь сосущую пустоту.

«Он истощен, — шептал внутренний голос Эйнара. — Его силы иссякли, как и мои собственные. Исполин замер в ожидании иного... катаклизма, способного вывернуть наизнанку всё сущее».

И вот, сырым октябрьским вечером 2023 года, когда семьдесят третий год его земного пути подходил к концу, а багровое солнце медленно тонуло в заливе, словно истекающий кровью зверь, Эйнар ощутил содрогание. Трепет родился глубоко в груди, а не под подошвами сапог. Многотонный гранит едва заметно содрогнулся, словно гигантское существо издало



свой последний, предсмертный вздох. Вслед за этим из глухих, затопленных подвалов башни поднялся потусторонний гул — низкий, рокошующий визг потревоженной бездны.

Хранитель без сил рухнул на колени. Он взирал на раскинувшийся внизу город, где тусклые электрические светлячки вспыхивали один за другим в наползающих сумерках. Внезапно пришло понимание: неведомый механизм пришел в движение. Природа грядущего кошмара оставалась тайной, но предчувствие не обманывало — мир стоял на пороге великого крушения.

Ослабевшие ноги привели его вниз, к безмолвному алтарю Круга Перехода. Плиты оставались бесплодными и холодными. Вглядываясь в серые камни, Эйнар почувствовал, как в груди поднимается темная волна — не ужас и не упование, а щемящий, потусторонний холод неотвратимого прощания.

— Что предначертано миру, когда ты умолкнешь навсегда? — сорвался с его губ единственный, выстраданный всей жизнью вопрос.

Маяк хранил гробовое молчание.

И этот мертвенный покой оглушал сильнее любого грохота.

Эйнар отчетливо понял: его вахта завершена, и обратного пути нет. Его личное время истекло без остатка. Тектонический вздох башни прозвучал не призывом остаться — то было последнее напутствие покинуть этот мир.

Глубокой ночью 29 октября 2023 года, ровно в тот миг, когда стрелки достигли цифру двенадцать, старик опустился на плиты смотровой площадки. Он крепко прижал бледнеющее лицо к ледяному, родному камню, обнимая его, словно умирающего товарища, и сделал свой последний вздох.

В то же мгновение старинные часы во всех домах Старого района застыли на вечных 00:00. Ни один часовой мастер города так и не сумел оживить их шестеренки.

С тех пор величественная башня заснула мертвым сном.

Но ровно три года спустя — 28 октября 2026 года — вселенная содрогнулась от того, во что человеческий разум отказывался верить.

Началось Великое Исчезновение.

Конец пролога.

### **Глава первая: Бездна над и под**

28 октября 2026 года, вне времени. Облачный Предел.

Облачный Предел — величайший чертог Небес, сотканный из первозданного света и абсолютного порядка — стремительно остывал. Прежде здешнее сияние не было просто цветом: оно переливалось всеми оттенками сущего, изливаясь из самих камней и воздуха, знаменуя незримое присутствие Творца. Теперь этот свет сделался блеклым. Он по-прежнему струился отовсюду, но эта неживая субстанция больше не согревала; она напоминала предсмертное мерцание лампы в руках мертвеца.

Ниже, в слоях Эфира, где прежде звенели небесные сферы, поддерживая ход светил, воцарилась неестественная, липкая тишина. Мироздание замерло, словно часовой механизм, с которого сорвали пружину.

В самом центре Предела замер Трон Всевышнего, высеченный из цельного куска застывшей молнии. Его исполинская спинка уходила ввысь, в невидимые слои небес, а подлокотники хранили резьбу, запечатлевшую рождение первых галактик. Здесь не было золота — Трон сам являлся абсолютной ценностью. Когда Творец восседал на нем, пространство вибрировало от мощи. Теперь пустота Трона была оглушительной. Она была раной в самой ткани реальности. Сквозь эту рану в некогда безупречный порядок чертога просачивался холод — не тот, что бывает в зимнюю стужу, а абсолютное отсутствие жизни. Тишина здесь больше не была благоговейным молчанием, ожидающим слова Создателя. Теперь она была давящей, как толща воды над тонущим кораблем, и в этой тишине впервые за эоны лет отчет-

ливо слышалось эхо — не звуки, а вибрация чего-то чуждого, что медленно, слой за слоем, начинало прорастать сквозь само небо. Тишина, воцарившаяся в чертогах, была не просто отсутствием звука — она была ощутимой, как холод пустого склепа. Ангелы стекались к подножию Трона, привлеченные безмолвным, но невыносимым зовом Гавриила. Он первым осознал, что глас Бога — единственная суть, скреплявшая само его существование — оборвался, оставив внутри немую бездну. Его зов не был приказом; это был крик, откликнувшийся болью в сердцах каждого из братьев.

Михаил подошел последним. Он стоял, сжимая в руках обломок некогда величественного копья. Его рост, превышающий три метра, прежде внушал трепет, но сейчас он казался лишь надломленным памятником былому величию. Кожа, некогда сиявшая золотом, побледнела до пепельно-серого; длинные волосы цвета старого снега безжизненно лежали на доспехах, словно погребальный саван. В глазах, когда-то отражавших небесную лазурь, теперь застыл оттенок мутного, слепого льда. Михаил чувствовал, как его сила, тысячелетиями скреплявшая купол небес, уходит сквозь пальцы, словно вода в сухую, алчущую землю. Совесть терзала его: все те жизни, что он отнял во имя «Порядка», теперь казались лишь бессмысленной резней, совершенной для пустого Трона.

Вместе с ним из тени колонн вышел Иегудиил — ангел яростного пламени и верный соратник Михаила, прошедший с ним сквозь бесчисленные битвы минувших эпох. Сейчас, стоя за спиной предводителя, Иегудиил сжимал кулаки с такой силой, что из-под его кожи, подобно искрам остывающего угля, пробивалось тусклое свечение. Он был рожден для войны, для яростного торжества стали, но теперь в его взгляде читалась растерянность: он искал глазами врага, которого нельзя было поразить ни мечом, ни огнем. Его привычная стихия, некогда сжигавшая легионы врагов, в этой мертвой тишине казалась жалким подобием искры, затерянной в ледяном космосе.

Гавриил, Вестник Бога, выглядел как призрак. Его серебряные волосы утратили блеск, а глаза цвета меди подернулись пеленой невыплаканных слез. Он постоянно шевелил губами, пытаясь извлечь хоть эхо Божественного Гласа, но в ответ слышал лишь тишину, в которой, казалось, копошились черви.

Рафаэль, Врач Небес, сидел прямо на плитах, глядя на свои бледные руки. Его длинные, тонкие пальцы — те, что прежде источали мягкое зеленоватое свечение, способное исцелить саму ткань бытия, — теперь были бесполезны. Четыре сероватых, покрытых дорожной пылью крыла, бессильно опущенные на камни, делали его похожим на подбитую птицу, навсегда забывшую вкус неба.

Нанаэль, древний наблюдатель, чьи глаза видели самые первые мгновения творения, стоял на самом краю чертога. В его взгляде, испещренном серебряными крапинками, теперь отражалась лишь бесконечная пустота. Эпохи напролет он беспристрастно записывал историю мироздания, но сейчас его рука дрожала — летопись мира подошла к своему необратимому концу.

Именно он, отчаявшись, первым нарушил тишину, и вскоре под сводами Предела вспыхнул спор о том, кто теперь возьмет на себя управление сиротеющими Небесами. Но это был спор обреченных. Каждое брошенное слово звенело отвратительной фальшью, каждый предложенный план казался жалким кощунством перед лицом зияющей пустоты, оставленной исчезнувшим Творцом.

Ангелы сгрудились у основания Трона, но никакого единодушия не было. Каждый из них чувствовал, как внутри него гаснет свет, и эта агония порождала страх, а страх — взаимные обвинения.

Гавриил, чьи руки всё еще мелко дрожали, взял слово,

— Мы спорим о престолонаследии в то время, как само небо трескается! — голос Гавриила звучал как скрежет камня о камень. — Нам не нужен правитель. Нам нужно понять, кто *отнял* у нас Господа. Кто совершил это убийство?

— Убийство? — Михаил, всё еще сжимавший обломок копья, поднял голову. В его мутных глазах вспыхнула искра боли. — Никто не убивал Его. Он просто... ушел. Мы были его руками и волей, а теперь мы просто мусор, оставшийся после завершения великой работы.

— Мы должны взять управление на себя, — вклинился Иегудиил, хотя в его словах не было уверенности. — Если мы создадим единый щит из наших остаточных сил, мы сможем удержать купол от коллапса. Нам нужен... координирующий центр. Тот, кто займет Трон.

— Трон пуст, Иегудиил, — тихо отозвался Рафаэль, даже не поднимая головы от своих рук. — Ты предлагаешь сесть на застывшую молнию? Хочешь сгореть в одно мгновение? Никто из нас не вместит в себя то, что здесь было. Мы не творцы, мы — инструменты. И мастер нас бросил.

Нанаэль стоял чуть поодаль, записывая что-то в свою невидимую летопись, хотя страницы были пусты.

— Вы все ошибаетесь, — произнес он, и в его голосе было столько холода, что ангелы на мгновение замолчали. — Мы спорим не о власти. Мы спорим о том, как нам умереть. Гордо, как стражи, или как те, кто до последнего будет пытаться чинить сломанный мир, который уже не подлежит починке.

Спор, полный фальши и отчаяния, прервал тот самый чудовищный толчок. Он прошел пространство, как нож — натянутую струну. Свод Предела на мгновение пошел трещинами, и в этот раз ангелы не просто почувствовали боль — они увидели, как небо за пределами чертога начинает осыпаться пеплом.

В Рафаэле, сидящем на плитах Предела, медленно угасала последняя искра надежды, но он еще не знал, что эта болезнь уже поразила основы бытия. Зеркальное эхо катастрофы прокатилось по всем пластам реальности, пронзая Эфир и устремляясь вниз, туда, где порядок сменялся вечным хаосом.

28 октября 2026 года, вне времени. Ад. Чёрный Зал Совета

Чёрный Зал Совета, затерянный в глубочайших разломах под самыми основами мироздания, гудел от предсмертной агонии. Здесь не было стен в привычном понимании — своды уходили в звенящую, бесконечную черноту, где растворялись гигантские ребра окаменелых титанов перворожденной тьмы, некогда сметенных за неповиновение. Сама архитектура этого места дышала монументальным ужасом: колоссальные колонны из застывшей лавы и расплавленного базальта поддерживали не потолок, а саму тяжесть сотен миров, нависающих сверху.

Девять кругов боли — вся эта выверенная веками, математически безупречная иерархия мучений — трескали по швам, словно шестеренки гигантских часов, в которые бросили горсть щебня. Пространство вибрировало от сдерживаемого хаоса, который теперь, лишившись узды и высшей воли, начал пожирать собственный фундамент. Воздух был плотным, раскаленным до сухой вони серы и озона, пахнущим остывающей кровью и разломанным железом.

В самом центре этого циклопического зала, куда сходились все линии геомантических разломов, зиял трон Люцифера.

Исполинский обсидиановый монолит возвышался на ступенях, источенных веками проклятий. Когда-то этот трон пульсировал живым, слепящим багрянцем, отражая гордыню и власть своего хозяина. Теперь же инкрустировавшие его гигантские рубины почернели и растрескались, словно запекшаяся корка на мертвце. Они больше не горели — они источали тусклый, мертвенный свет, отражая распад. Трон стоял пустым, холодящим пространство зия-

ющей пустотой, и само его запустение кричало громче любых голосов: хозяин ушел в эпицентр рокового слияния, оставив империю умирать в тисках безумия.

Совет собрался по экстренному требованию Лилит. Верховная демонесса, владычица ночных страстей, матерей греха и первородных соблазнов, чья мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с окружающим мраком, возвышалась над обсидиановым столом. Как правая рука Люцифера и хранительница сокровенных законов бездны, она веками управляла самой сутью человеческих пороков и темной стороной желаний, держа в железных руках баланс империи.

Теперь же эта империя рассыпалась. За её спиной расправлялись исполинские, черные как тьма крылья, подергивающиеся в такт судорожным вибрациям зала. В тонких пальцах она сжимала ритуальный клинок — кинжал, выточенный из кости первого грешника, мерцающий тусклым, мертвенным светом, готовый в любой момент обогреться кровью предателей или отголосками чужой воли.

Астарот, князь Восьмого круга и владыка цитадели обмана, сидел на краю стола, лениво перебирая когтями обломки почерневших рубинов. Хотя его фигура не играла решающей роли в грядущих масштабных битвах за пределами Ада, в пределах Совета его слово весило немало — за ним стояли легионы искушенных лжецов и архитекторов катастрофических интриг. Сейчас его огромная, тяжело скроенная фигура, обычно внушавшая суеверный ужас, выглядела раздутой и пресыщенной, почти апатичной. Он не смотрел на Лилит, не разделяя ее лихорадочной тревоги, и лишь криво усмехался, наблюдая, как из его приоткрытого рта вместе с каждым выдохом вырываются густые клочья гнилого тумана — смрад разлагающихся договоров и вероломства, которыми он питался веками.

Рядом, в самом изломе теней, неподвижно стоял Ксарак — мастер смертоносных засад и великий стратег, чьи военные таланты признавали даже те, кто презирал его саму сущность. Его бронзовая кожа казалась чужеродной в этом мире серости и черного обсидиана, подчеркивая его обособленность. Он был закутан в глухой черный балахон, скрывающий большую часть фигуры, но из капюшона на присутствующих смотрели пустые, горящие потусторонним огнем глазницы, а вокруг головы извивались и шевелились живые волосы-щупальца, словно жадно втягивающие вкус надвигающейся пустоты.

Лилит никогда не доверяла ему, интуитивно держа ухо востро и помня, что за любой его гениальной комбинацией может скрываться многоходовая ловушка. Однако его профессиональные навыки оставались неоспоримыми: в ситуации, когда мир трещал по швам, она признавала, что холодный ум Ксарака и его талант к рискованным стратегическим планам — единственное оружие, способное переломить хаос. Сам же Ксарак молча наблюдал за всеобщей паникой, не тратя слов на пустые споры, словно уже просчитывал варианты отступления на случай гибели самого Ада.

Сейнара, высокая демонесса в узком стальном панцире, с безупречными чертами лица, мертвенно-белыми волосами до колен и тонкими обсидиановыми рогами, стояла чуть в стороне, скрестив руки, и хранила ледяное молчание. Ее угольно-черная кожа едва заметно мерцала в тусклом свете, а в серебристых глазах читалось абсолютное, ни на чем не завязанное превосходство. Будучи воплощением злого рока и неотвратимости, она не пыталась оспорить первенство Лилит — ей это было просто не нужно. Она присутствовала здесь скорее как живое предзнаменование: даже в рушащемся Зале Совета, где Лилит пыталась удержать расползающуюся по швам империю, Сейнара выглядела так, будто уже знала истинный и неизбежный исход этого собрания.

— Мы тратим время, — проскрипел Астарот, не оборачиваясь. — Трона нет. Господина нет. Ад больше не машина, Лилит. Он — труп, который начал разлагаться. Зачем нам спасать то, что уже остыло?

— Мы здесь не для того, чтобы хоронить, — голос Лилит эхом отразился от обсидиановых стен, но в нём не было прежней власти. — Мы здесь, чтобы не дать Хаосу сожрать наши вотчины раньше, чем мы сами перегрызем друг другу глотки.

Малх издал фальшивый, звенящий смешок, который тут же оборвался хрипом; его иллюзорный колпак на миг рассыпался горсткой пепла, обнажая истинный оскал ужаса.

— Структура? — Сейнара чуть наклонила голову, и ее бездонные серебристые глаза в упор встретили взгляд Лилит. Ее голос прозвучал ровно, холодно и неотвратимо, как стук падающей гильотины. — Структура была законом. А то, во что вы все это превратили — лишь предсмертная судорога. Мы — демоны, Лилит, но хаос — это не дом. Хаос — это могила, которую вы выкопали себе сами. И я здесь не для того, чтобы бояться темноты, а чтобы зачитать приговор тем, кто в ней заблудился.

Сейнара закончила фразу, и в зале воцарилась тяжелая, зловещая тишина. Но она длилась недолго.

Лилит сильнее сжала рукоять кинжала из кости мертвеца, чувствуя, как внутри Ада закипает назревающий бунт. Князя не боялись её, потому что больше не боялись Люцифера. И именно в этот миг, когда спор грозил перерасти в открытую бойню, Небеса и Ад содрогнулись от одного и того же чудовищного толчка.

Внезапно воздух в центре зала, между Сейнарой и Лилит, пошел рябью, словно раскаленный маревом над адской кузней. Только это марево было не огненным, а темно-багровым, цвета запекшейся крови и небытия. Тьма в углах зала сжалась, словно от страха, а факелы разом поменяли цвет с красного на мертвенно-синий.

Глас не пришел извне. Он возник внутри самой сути их демонических душ — не как мысль, а как ледяное, раскаленное клеймо, которое невозможно стереть. Это была не просто боль; это был скрежет ворочающихся тектонических плит, перемалывающих фундамент самого мироздания.

От этого звука у Малха мгновенно опали фальшивые крылья, а сам он сжался в комок на обсидиановом полу. Даже Астарот, самый стойкий из присутствующих, инстинктивно сделал шаг назад, оскалившись в беззвучном рыке.

Это было эхо того, что таилось в холодной Пустоте между мирами эоны лет, терпеливо ожидая своей очереди. И теперь его время пришло.

— **ВРЕМЯ ИЛЛЮЗИЙ ПРОШЛО,** — Глас раздался не в ушах, а в костях и черепных коробках всех присутствующих, сотрясая их суть. — **ВЫ ВСЕ БОЛЬШЕ НЕ ПРАВИТЕ ЭТИМ МИРОМ. ОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.**

Вместо материального силуэта реальность в центре зала просто треснула по швам. Воздух мгновенно стал ледяным и густым, заставляя задыхаться даже высших демонов. Глас не имел формы и не спускался откуда-то извне — он был везде и сразу, одновременно заполняя собой и самую глубокую точку Ада, и самые высокие небесные сферы, оставаясь невидимым и непостижимым. Это присутствие давило на разум с силой тектонических плит.

Михаила прошило током. Глас не просто говорил — он вывернул его сознание наизнанку. Архистратиг слышал какофонию криков тех, кого истребил во имя Бога: детский плач из сожженных городов, предсмертные хрипы павших братьев, стон земли, пропитанной кровью, — всё слилось в один невыносимый, ядовито-властный аккорд.

— Ты — пустота, — прохрипел Михаил, сжимая кулаки так, что из ладоней потекла небесная кровь. — Ты не созидал, ты лишь паразит!

— «Паразиты кормятся жизнью, Михаил, — Глас рассмеялся, и этот звук напомнил шелест гниющих страниц, рассыпающихся в прах. — Я же кормлюсь вашим смыслом. Твой «Порядок» был лишь долгим, невыносимым ожиданием Моего прихода».

В Чёрном Зале Совета Лилит, сжимая рукоять ритуального кинжала, воззвала в сгущающуюся тьму:

— Я — свобода, которую не покорил даже Его свет! Ты думаешь, Ад склонится перед тем, у кого нет даже формы?

— «Свобода — это форма вашего заточения, Лилит, — отозвался Глас. Стены зала мгновенно покрылись инеем, на котором выступили капли черной, смолистой субстанции. — Ты была свободна лишь до тех пор, пока Я позволял вам тешиться этой иллюзией».

Затем тон Гласа изменился, став вкрадчивым, почти интимным, обращаясь к Ксараку, который до этого момента молча стоял в тени колонны, излучая зловещее спокойствие:

— «А ты... ты единственный, кто не тратил силы на слепую верность. Ты ждал. И Я видел твоё ожидание».

Ксарак медленно опустился на одно колено, и в его пустых горящих глазницах вспыхнуло торжество.

— Я готов принести Твой закон в самые темные углы этой тюрьмы, — прошипел он.

Не выдержав предательства, Лилит метнулась к нему, но Ксарак перехватил её с пугающей скоростью. Он схватил её за подбородок, грубо задирая голову вверх, и извивающиеся щупальца, проросшие из его черепа, тяжелым кольцом обвили её шею.

— Предатель! — выдохнула она, пытаясь вырваться. — Ты всегда был псом, ждущим хозяина, который кинет тебе кость покрупнее! Мы строили этот мир, а ты готов стать его палачом?

Ксарак даже не обернулся; щупальца на его голове извивались, словно живые, отравленные змеи.

— Этот мир был мертв задолго до твоих речей, Лилит, — отрезал он. — Я просто выбрал сторону, которая действительно существует.

В этот момент Облачный Предел содрогнулся. Под ногами ангелов плиты начали стремительно «гнить»: белое, некогда священное золото пространства пошло пузырями, чернея и источая смрад разложения. Само небо отторгало их присутствие, и давление стало невыносимым.

Михаил боролся до последнего. Он чувствовал, как закаленные в зонах войн доспехи трескаются, а сама его гордость плавится под гнетом чужой воли. Внезапно он осознал: каждое мгновение, что он продолжает стоять, — это акт личного бунта против старой лжи. Но он не успел. С глухим, сокрушительным звуком невидимая сила пригнула его к земле. Плиты под его коленями сгнили в серую труху, и Архистратиг рухнул лицом в черную слизь, в которую превратилось священное пространство.

В Аду, в тысячах миров от него, Лилит, рыдая от ярости, также пала на колени. Её воля, способная противостоять свету самого Люцифера, была сломлена этой невообразимой физической тяжестью пустоты.

Оба мира — Небеса и Ад — в едином порыве склонились перед тем, кто пришел занять их опустевшие престолы.

«Я вижу каждую вашу слабость. Вы мнили себя столпами мироздания? А теперь вы — лишь песчинки в Моих руках. И Я останусь здесь навсегда».

Слова Гласа впечатались в самую ткань бытия, и время, доселе бывшее вечным потоком, застыло, превратившись в душную, неподвижную клетку. Впервые за всю историю творения Небеса и Преисподняя заговорили на одном языке — на языке мертвой, торжествующей тишины.

А там, внизу, у подножия разбитых престолов, новая власть, безраздельно воцарившаяся над остывшим миром, безмолвно улыбалась во тьме.

*Конец первой главы.*



## ГЛАВА ВТОРАЯ. Исчезновение

28 октября 2026 года, 21:47. Люминар. Церковь Святого Михаила. Вечер.

Отец Мефодий опустил на колени перед алтарём, как делал это каждый вечер на протяжении последних сорока трёх лет. Его старые, источенные временем суставы привычно и сухо хрустнули в гробовой тишине, но священник не обратил на это внимания. Церковь была пропитана густым, удушливым ароматом старого дерева, оплывшего воска и погребального ладана — запахи, ставшие для него осязаемым дыханием самой веры.

Этот храм, воздвигнутый в далеком 1867 году, казался Мефодию живым существом. Наверное, так же его воспринимал и архитектор — Фёдор Исаакович Торопов. Рожденный в 1820 году в бесправной семье крепостных крестьян, этот человек вырвал у судьбы право на гениальность, окончил Императорскую Академию художеств и построил в губернии сеть из двух десятков купеческих особняков, доходных домов и лавок. Но именно церковь Святого Михаила, венчавшая его труды, была его любимым — и, как порой казалось, роковым проектом. Семь лет, с 1860 по 1867 год, Торопов буквально дышал этой стройкой: сам отбирал мертво-светлый известняк из местных карьеров для фундамента, сам вез из Москвы сакральные чертежи, сам следил за каждым швом в кладке. Шептались, что архитектор почувствовал мистическую связь с храмом задолго до первого кирпича — он часами заворуженно стоял на пустыре, всматриваясь в пустоту, где зданию лишь предстояло материализоваться. Никогда прежде не возводивший церквей, в эти стены мастер вложил всю свою душу.

Стройка купалась в золоте благодаря щедрости купца Петра Ивановича Громова. Человек состоятельный, но чуждый тщеславия, он пожертвовал колоссальную сумму, одержимый мыслью подарить простому народу Люминара духовный оплот. До тридцати каменщиков, плотников и штукатуров годами не покидали подмостков.

Казалось, деньги должны были принести стройке удачу, но вместо этого её неотступно преследовал злой рок: лютый зимой 1864 года адские морозы парализовали работу на два месяца, а весной 1865-го южная стена огрызнулась обрушением лесов — один рабочий погиб под завалами, двое унесли с собой тяжелые травмы. Торопов перенес эту трагедию как личную Голгофу, лично пришел на похороны и выплатил семье погибшего двойное пособие, но безумный ход строительства так и не остановил.

Мефодий поднял глаза на входной портал. Там, в полумраке, пестрела мозаика 1868 года: Архангел Михаил, пронзающий копьем извивающегося дракона. Ее четыре месяца по крупницам собирали итальянские мастера Антонио и Джузеппе Маджоре, выписанные Тороповым из Флоренции. Мефодий помнил старинную легенду об умудренном годами Антонио, который на исходе работ оборонил пророчество: «Этот город будет стоять, пока стоит эта церковь. А эта церковь будет стоять, пока в ней молятся».

Теперь эти слова пугали. Мефодий перевел взгляд на мрачный иконостас в давящем византийском стиле, написанный суздальским мастером Василием Сафоновым в 1865–1866 годах. Люди говорили, что Сафонов творил молитвой, а не кистью, и каждая икона обрела собственную, пугающую душу. В эти стены иконостас попал чудом: его готовили для собора в соседнем городе, но тамошний заказчик разорился, пошел по миру, и Торопов за бесценок выкупил бесхозные лики.

Старик прикрыл глаза, и под аккомпанемент храмовой тишины в его памяти удушливой волной всплыла собственная жизнь.

До того как принять постриг под именем Мефодия, он был Серёжей Соколовым, родившимся 15 мая 1948 года на западных рубежах Смоленской области, в рабочем поселке Клиницы. В те годы это захолустье дымило трубами нескольких заводов вокруг единственной школы. Нищета была беспросветной, но соседи держались общиной и знали друг друга по именам.

Перед мысленным взором предстал отец, Иван Петрович — монолитный, молчаливый путеец, годами отдававший силы изнурительному ремонту железных дорог. Он никогда не

жаловался, и соседи уважали его за эту угрюмую честность. Мать, Анна Григорьевна, тащила на себе скудный быт, вышивала крестиком в редкие минуты отдыха и, будучи глубоко верующей, даже в лютые морозы упрямо вела детей в приход каждое воскресенье.

Сергей был их первенцем: матери тогда исполнилось 28 лет, отцу — 30. Спустя пять лет, в 1953-м, семья пополнилась сестренкой Леночкой — существом слабым, болезненным, с огромными голубыми глазами, точь-в-точь как у отца.

Серёжа рос нелюдимым мальчиком, замкнутым в собственной раковине. Избегая шумных игр, он с увлечением погружался в мир книг или безмолвно помогал матери. Школьные будни тянулись однообразно и серо, без троек, но и без восторга. Единственным наркотиком для его разума была история — он упивался хрониками ушедшего, житиями святых и мысленно примерял на себя судьбы защитников веры.

Семейные узы были прочными, но отличались холодностью. Отец ненавидел долгие разговоры, ограничиваясь помощью мальчику с математикой, которую хорошо знал по службе. Мать, напротив, полыхала эмоциями: вбивала в сознание сына слова молитв, зачитывала до дыр Евангелие, но требовала безропотного послушания и почти стерильной аккуратности.

К сестре Леночке брат прикипел всем сердцем. Девчушка чахла от непрерывных простуд и вечной свинцовой слабости; подросток сам забирал ее из школы, читал ей сказки и неделями дежурил у постели больной. Малышка боготворила его, неизменно повторяя: «Если бы не ты, я бы не выжила».

А в одиннадцать лет его мир чуть не рухнул. Шестилетняя Леночка сгорала от тяжелой пневмонии, и врачи опустили руки. Не знавший тогда канонических текстов мальчик доверился инстинкту: он бегал в местную деревянную церквушку с покосившимся черным куполом и часами стирал колени о холодный пол, истово вымаливая жизнь сестре. Он не ведал, слышит ли его кто-то в этой пустоте, но слепая детская вера сдвинула «тектонические плиты» — Леночка смогла выкарабкаться.

В тот день в его мозг намертво впечаталась истина: Бог есть. И Сергей обязан принести свою жизнь Ему в жертву.

В 1966 году он порвал с прошлым, уехав и поступив в Смоленскую духовную семинарию. Учился прилежно, но без блеска, оставаясь скорее старательным ремесленником от религии. В 1970-м, приняв имя Мефодий, выпускник уехал в приход Николая Чудотворца в глухом селе под Смоленском, а спустя два года, в 1972-м, был рукоположен в сан священника и направлен в Люминар, под эти самые своды церкви Святого Михаила. Он приехал сюда молодым, горячим, полным надежд — и остался на всю жизнь.

Брачные узы обошли его стороной — осознанный выбор одиночества ради служения, в котором, впрочем, не было горечи. Только холодный рассудок и покой. Он понимал, что его призвание требует отречения от всего мирского, и за эти годы так и не обзавелся собственной семьей.

Его корни медленно истончались. Родители, оставшиеся в Клинцах, один за другим уходили в мир иной. Отец, Иван Петрович, опалённый суровыми ветрами судьбы, и до конца преданный железной дороге, рухнул от инфаркта в 1985 году. Мефодий узнал эту весть по телефону — глухой, словно из-под гнилой воды голос сестры обронил: «Папа умер». Священник не пролил ни одной слезы, но почувствовал, как внутри с хрустом ломается невидимая опора, на которой держалось его бытие. Мать, Анна Григорьевна, сгорела от рака в 1988-м — и снова звонок Елены, и тоже оцепенение в динамике. На похоронах они стояли молча, глядя на кресты. Сестра тихо плакала, а Мефодий сжимал ее ледяные пальцы, чувствуя, как этот трупный холод проникает в его собственную кожу. Сказать было нечего.

Жизнь Елены — его единственной живой связи с прошлым — сложилась иначе. В 1975 году вместе с местным инженером они свили свое семейное гнездышко, ставшее благословенной колыбелью для их троих детей. Брат издали наблюдал за ее тихим счастьем, пока в 2019

году она внезапно не угасла от прицельного и безжалостного удара инсульта. Мефодий не сумел даже бросить горсть земли на ее гроб — в тот же час его самого настиг микроинсульт. Болезнь не убила пастыря, но забросила его на больничную койку на три недели, заставив беспомощно созерцать потолок и кожей ощущать, как последние крупинцы времени утекают сквозь пальцы. Он так и не простился с ней. Даже не смог встать с кровати.

И в этот проклятый вечер — 28 октября 2026 года — его сорокалетний покой рухнул.

Мефодий иступленно молился, как вдруг по каменному полу храма пополз резкий, противоестественный холод. Священник вздрогнул. Воздух за секунды стал таким ледяным, что из его рта вырвалось облачко белого пара. В то же мгновение под высокими сводами раздался странный, пугающий звук — тонкий, протяжный, вибрирующий, словно где-то в вышине с сухим, металлическим звоном лопнула туго натянутая струна. И прямо в эту секунду тяжелое, ровное пламя венчальных и заупокойных свечей испуганно дрогнуло, вытянулось в тонкие иглы и разом, без единого дуновения сквозняка, погасло.

Церковь погрузилась во тьму, пронзаемую лишь блеклым лунным светом из высоких окон. Замерли даже блики на окладах. Мертвая, липкая тишина была единственным ответом, выползавшим из темных углов храма.

Старик по привычке устремил свой разум вверх, туда, где десятилетиями осязал теплое, вибрирующее присутствие Создателя, но наткнулся на глухую, ледяную стену. Это было не просто молчание — это был абсолютный, космический вакуум, из которого разом выкачали всю жизнь. Ощущение было таким, словно у Мефодия прямо в груди без наркоза ампутировали душу, оставив лишь сочащуюся пустоту. Воздух вокруг алтаря стал чужим и разреженным, как в склепе, а ладан больше не пах верой — он внезапно начал отдавать приторным, тошнотворным запахом выжженной, мертвой земли. Священник задохнулся от этого внезапного одиночества, чувствуя, как реальность вокруг него начинает мелко дрожать и осыпаться серой пылью.

В блеклом полумраке Мефодий бросил взгляд на иконостас Сафонова и оцепенел от ужаса: сусальное золото на ликах святых прямо на глазах тускнело, стремительно покрываясь слоем темной, уродливой ржавчины и грязной патины, будто древние святыни сгнили за долю секунды. Из темноты на него теперь смотрели сотни пустых, ослепших, мертвых глаз.

«Я служил тебе всю жизнь. Я молился тебе каждую ночь. Я чувствовал тебя каждую минуту. А теперь — тишина. Ты не отвечаешь. Ты не слышишь. Или ты ушёл».

Он попытался перекреститься снова, но руки сильно и неловко задрожали, будто налившись свинцовой тяжестью.

И тогда, в самой глубокой, интимной нише его сознания, там, где обычно рождалась чистая вера, впервые зазвучал голос. Не Бога. Не дьявола. А нечто другое — леденящее, бесстрастное, как черное полярное небо, от которого веяло могильным холодом.

«Ты звал того, кто ушёл. Но я пришёл на его место. Не спрашивай, кто я, потому что у меня нет имени, которое ты мог бы запомнить. Скажи: я — тот, кто заполнил пустоту. Власть больше не принадлежит ни небу, ни преисподней. Теперь она моя. Ты это чувствуешь, священник? Хаос, который просыпается в твоей груди, — это мой голос. И он уже громче любой молитвы, которую ты когда-либо произносил».

Отец Мефодий вскочил, едва не разодрав рясу о край алтаря. Голос был настолько осязаемым, удушливым и реальным, что он в панике оглянулся по сторонам. В этот миг морозный лед на стеклах огромных окон храма начал с тихим, зловещим треском стремительно расползаться, складываясь в неестественные, острые, изломанные узоры. А у самого входа, в лунном свете, старая мозаика с драконом на долю секунды показалась подвижной — Мефодию почудилось, что пронзенный гад под копьём Архангела судорожно шевельнулся в полумраке. Но в церкви по-прежнему никого не было. Только зловещий, ледяной воздух коснулся его лица, колючий, словно иголки инея.

«Этот голос... Он не снаружи. Он внутри. Он в моей голове. Но он не мой. Он чужой. Он не от Бога. Но он и не от дьявола. От кого же?»

— Кто ты? — крикнул он, и его сорванный крик испуганно забился под каменными сводами. — Где Бог? Где дьявол?

«Бог ушёл. Дьявол ушёл вслед за ним. А я занял их трон. И теперь я буду править этим миром — не через свет, не через тьму, а через хаос. Ты и так это чувствуешь. Все чувствуют. Страх, что растёт в каждом сердце, — это моя работа. Ты думал, что молишься Богу? Ты молился тишине. А тишина — это я».

Голос замолчал, но не исчез, оставшись внутри пульсировать тяжелым, черным нарывом.

\*\*\*

В маленьком костёле в польских Татрах падре Якуб Ковальский, двадцати шести лет, молодой, с румяным лицом, стоял на коленях и плакал, разглядывая упавшее на каменные плиты распятие. Он только что был рукоположен и мечтал служить Господу. А теперь Господа не было.

За тысячи километров от него, в старой синагоге Иерусалима, пожилой раввин Авраам Леви замер на полуслове посреди ночного чтения Торы. Священный свиток вдруг показался ему невыносимо тяжелым, а буквы на пергаменте будто потеряли свой внутренний свет, превратившись в безжизненные черные пятна. Он поднял глаза на ковчег, где хранились свитки, и почувствовал, как вековая защита, окутывающая это место, испарилась, оставив лишь сквозняк и ледяное сиротство.

В ту же секунду в Каире, на высоком минарете, мулла Ахмад Аль-Фарид замолчал прямо во время призыва к молитве. Слова застряли в его горле. Он смотрел на раскинувшийся внизу город, но вместо божественного присутствия, которое всегда наполняло его сердце покоем, ощутил лишь удушающий, пустой мрак, бесшумно накрывающий крыши домов.

И в этот час по всей земле — в каждом храме, в каждой церкви, в каждой мечети, в каждой синагоге и святилище — служители Бога в один голос, в один миг поняли: что-то случилось. Что-то непоправимое.

Бог исчез.

Это произошло не в грохоте молний и не при падении звезд. Не было ни знамений, ни предсмертного крика небес. Просто в один миг мир лишился своего главного измерения — вертикали.

Для миллиардов людей это ощущалось так, будто из конструкции Вселенной вынули несущую балку.

Священники, стоявшие посреди ночных молитв в пустых храмах, первыми ощутили эту жуткую перемену. Слова, которые они веками возносили к сводам, вдруг перестали лететь вверх. Они падали обратно на каменный пол тяжелым, глухим мусором, не находя отклика. Золотые купола над головами вмиг потеряли свой ореол, превратившись в обычное тусклое железо, а лампы перед ликами святых казались не источниками света, а крошечными, беспомощными светлячками, запертыми в банке с чернилами.

Монахи-отшельники, десятилетиями хранившие молчание ради внутренней тишины, в ужасе закрывали глаза в кельях. Тишина больше не была благодатной. Раньше она наполняла их душу густым, теплым присутствием, а теперь обернулась ледяным вакуумом, в котором отчетливо слышался только собственный сбивчивый пульс. Казалось, будто сам воздух стал плотнее, превратившись в невидимый кисель, не пропускающий ни единой надежды.

\*\*\*

Отец Мефодий сидел на скамье, сгорбившись, и смотрел в пол. Полная темнота храма больше не защищала его — она давила на плечи. Он не знал, что делать. Он не знал, что говорить. Он не знал, о чём молиться.

«Я не знаю, что делать. Я не знаю, как жить в мире, где Бога нет. Я не знаю, как молиться, когда некому отвечать. Но я не перестану. Я не перестану, потому что это единственное, что я умею делать. И потому что, может быть, Он вернётся. Может быть, это не конец. Может быть, это только начало».

На улице темнело. Город Люминар готовился ко сну, еще не зная, что небесный купол над ним превратился в пустую жестяную банку.

А в Старом районе, у подножия белого маяка, тот самый Круг Перехода, заросший травой и забытый, вдруг слабо и гниlostно замерцал.

Отец Мефодий не знал об этом. Но он чувствовал странный зов, который тянул его в сторону маяка. Он не понимал — кто зовёт.

Тот, кто захватил власть, уже обнажил зубы в торжествующей улыбке в темноте.

### **Глава третья: Обычный человек**

Илья проснулся не от солнца — его не пропускали плотные шторы, — а от того, что телефон на прикроватной тумбочке завибрировал с настойчивостью потревоженного насекомого. Дребезжание аппарата о деревянную поверхность отозвалось неприятным эхом в затылке. Илья приоткрыл один глаз, мучительно щурясь от нахлынувшего света, и взглянул на дисплей: 08:47. Без тринадцати девять.

Он глухо застонал, уткнувшись лицом в подушку. Снова. Проклятые утренние «ещё пять минут» имели в его жизни коварное свойство растягиваться на добрую половину часовой стрелки, превращая и без того пунктуально опасное утро в нервную гонку с самим собой.

Илья рывком сел на постели, запуская пятерню в спутанные темные волосы. Сон всё ещё цеплялся за него липкими ошметками, но тревога уже пробивалась сквозь пелену. Он посмотрел на пустую половину матраса. Холодная простыня была идеально гладкой — Алёна встала давно.

Из кухни доносилась привычная утренняя возня: негромкое звяканье чашек, глухое, постепенно нарастающее гудение закипающего чайника, мерный шорох её домашних тапочек. Она что-то едва слышно напевала себе под нос — какой-то странный, старый мотив, названия которого Илья не знал, но который всегда приносил странное успокоение. Для него эти простые, будничные звуки были самыми дорогими вещами на свете. Они служили осязаемым, тёплым доказательством того, что он больше не заброшен один в этом безразличном, механическом мире, что его жизнь наконец обрела центр тяжести.

Илья шумно выдохнул, чувствуя, как с плеч спадает ночное напряжение. В конце концов, это был просто еще один вторник. Он поднялся с кровати, босыми ногами ощущая прохладу пола, и направился на кухню, на ходу пытаясь окончательно стряхнуть с себя остатки тревожного сна.

Илья остановился в дверном проеме кухни. Алёна стояла у плиты, помешивая что-то в турке. Услышав его шаги, она обернулась и улыбнулась — так же легко и привычно, как и всегда.

— Доброе утро, соня, — она кивнула на кружку, стоящую на столе. — Кофе почти готов. Ты сегодня проспал дольше обычного, пришлось будить тебя запахом, а не будильником.

Алёна стояла у плиты, чуть повернувшись к нему. Ее густые каштановые волосы до лопаток были небрежно собраны в пучок, из которого выбилось пару прядей, обрамлявших лицо с мягким, сияющим оттенком кожи. Большие зелёные глаза смотрели с лукавой теплотой, а пухлые губы тронута легкая улыбка. Приятный, чуть низковатый голос звучал мягко, обволакивая комнату. Осунувшись в эту секунду на нее, Илья сглотнул: на ней была его старая потрепанная рубашка, едва прикрывав-

шая ягодицы, и в этом домашнем, простом виде она казалась невероятно, сбивающе-сексуальной

Илья прошел к столу, стараясь скрыть нервозность, и сел на высокий стул.

— Да, что-то сон приснился... не могу вспомнить, но ощущение осталось неприятное, — он сделал глоток горячего напитка, стараясь сосредоточиться на вкусе, чтобы перебить это липкое чувство в воздухе. — У тебя нет ощущения, что сегодня давление атмосферное какое-то странное? Как будто перед грозой, только небо чистое.

Алёна прищурилась, прислушиваясь к своим ощущениям, и пожала плечами:

Не знаю, мне кажется, просто душно. Окна надо будет открыть пошире, как только допью. Слушай, ты сегодня вернешься пораньше? Хотела предложить вечером приготовить лазанью, у меня как раз лежат листы для неё. А потом можно посмотреть тот сериал, на котором мы на прошлой неделе остановились, помнишь?

Илья кивнул, чувствуя, как её спокойствие немного приглушает его внутреннюю тревогу.

— Лазанья — это отлично. Да, постараюсь освободиться пораньше, но ничего не обещаю. Хотя к ужину в любом случае буду дома.

— Договорились, — она подошла к столу и на секунду задержала руку на его плече, прежде чем вернуться к делам. — Не хмурься, сегодня всего лишь вторник. Никаких подвигов от тебя не требуется.

Илья поднялся, чувствуя привычную, уже ставшую знакомой тяжесть в суставах. В свои двадцать восемь он всё еще сохранял налет какой-то подростковой, угловатой неловкости. Высокий, худощавый, с узкими плечами, которые, казалось, вечно пытались сжаться под тяжестью чего-то невидимого, он никогда не чувствовал себя уверенно в собственном теле. Его длинные руки, болтавшиеся вдоль туловища, вечно выглядели так, будто он никак не мог сообразить, в какой карман их пристроить.

Прозрачно-бледная кожа выдавала в нем типичного обитателя IT-офисов, а темные, с фиолетовым отливом круги под карими глазами, казалось, впаялись в лицо еще со времен безумных студенческих сессий в Технологическом институте. Илья никогда не задумывался о том, как выглядит. Его стиль был неизменным: потертые синие джинсы, кроссовки и старая черная кожанка с распродажи, которую он носил, кажется, с первого курса. В этом привычном облике, среди полупустой кухни, он выглядел так же обыденно, как и всегда. Но сегодня, когда он потянулся к кружке, его движения казались ему самому непривычно тяжелыми, словно воздух вокруг стал гуще.

Алёна, занятая своими делами у плиты, ничего не заметила. Она продолжала что-то напевать, и в этот момент Илья поймал себя на мысли, что эта уютная картина — последнее, что кажется ему по-настоящему понятным в этом мире..

Всё остальное принадлежало «Терралинку». Как системный аналитик регионального отделения, он был лишь одной из многих бетонных игл, пронзающих небо. Компания была корпоративным гигантом, чья мощь не оставляла места для индивидуальности. Илья обладал редким даром — он видел структуру данных там, где другие видели лишь хаос, но эпоха корпоративной бюрократии и бесконечных совещаний не давала этому таланту развернуться. Для «Терралинка» он был лишь высококвалифицированной единицей в штатном расписании, винтиком, который, к счастью, редко требовал ремонта.

Сам Илья относился к своей работе с профессиональным цинизмом. Он приходил в офис как на каторгу, чтобы лишь к вечеру, в тишине опустевшего зала, нако-

нец-то заняться тем, что действительно имело смысл, — сложными алгоритмами, которые он выстраивал для себя, втайне от всех.

— Ты опять о чем-то задумался, — голос Алёны вырвал его из мыслей. — Опять сервера «Терралинка» будут сниться?

Илья слабо улыбнулся, допивая кофе.

— Если бы только сервера. Просто... день сегодня какой-то странный. Не могу понять почему.

Он попытался натянуть на лицо привычную утреннюю улыбку, но мимика вышла деревянной. С самого пробуждения его не покидало липкое чувство — будто в воздухе квартиры за ночь разлилось что-то тяжелое и невыносимо чужеродное. Воздух казался слишком густым, пропитанным статическим электричеством.

Илья одевался на автомате, механически застегивая молнию на старой кожанке. В этой куртке было удобно прятаться от лишних взглядов — она пахла дождем и табаком, что казалось ему куда честнее, чем стерильный воздух офиса. Глядя в прихожей на свое отражение, он часто ловил себя на мысли, что этот человек в зеркале — лишь оболочка. За этой усталой маской скрывался разум, способный взломать любую систему. Но его амбиции застряли между отчетами по нерентабельным серверам и страхом перед неизвестностью.

Он привык быть в тени. И лишь Алёна знала, что за этим угловатым парнем скрывается человек, который однажды может перевернуть мир, если только тот самый мир не раздавит его раньше.

Илья поцеловал Алёну в щеку, чувствуя на губах холод её кожи — странно, в квартире ведь было тепло. Он постарался списать это на свою мнительность и вышел за дверь, пообещав вернуться к ужину.

Молодой человек предпочитал ходить до офиса пешком. Утренний пятнадцатиминутный маршрут через тихие скверы был его единственным ритуалом — это время позволяло окончательно стряхнуть остатки липких сновидений и собраться с мыслями перед тем, как с головой нырнуть в серую, алгоритмизированную рутину.

Выйдя на улицу утром 29 октября, Илья сразу заметил: с Люминаром что-то не так. Воздух в сквере был неподвижным и тяжелым, словно город затаил дыхание. Город не вымер — по дорогам ползли редкие машины, куда-то спешили прохожие, — но в самом пространстве висела вакуумная, неестественная тишина, будто кто-то выкрутил регулятор общего шума на минимум. Не слышалось ни привычного щебета птиц, ни привычного гула улицы. Илья поднял воротник кожанки, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. Внутри него пульсировало смутное предчувствие — чувство, похожее на осознание ошибки в сложном коде, которую ты еще не видишь глазами, но уже ощущаешь её разрушительный масштаб.

Списав это на осеннюю хандру, он добрался до офиса «Терралинка». На входе за стойкой сидела Светлана — женщина лет тридцати пяти с резкими чертами лица и пронзительными серыми глазами. Илья был искренне рад, что сегодня не смена угрюмого Геннадия, чьи бесконечные расспросы о политике всегда выводили его из равновесия. Света была исключением из всех его правил: замкнутый и тяжело сходящийся с людьми Илья дорожил ее обществом, и она оставалась единственным человеком на работе, с кем он мог нормально общаться. Мысль о том, что впереди их ждет привычная обеденная вылазка в уютное кафе напротив и долгий разговор за чашкой кофе, немного успокоила его нервы. Он тепло кивнул ей, получил в ответ короткую, понимающую улыбку — Света всегда умела читать его настроение без лишних слов — и прошел к своему рабочему месту.



Экран ноутбука моргнул, выходя из спящего режима. Рабочий стол был привычно перегружен ярлыками, терминалы серверов мигали стандартными индикаторами активности. Илья привычным движением открыл журнал событий за прошедшую ночь — профессиональная привычка проверять, как система вела себя в отсутствие человека.

Он просматривал длинные строки записей, но на середине страницы палец замер.

Система фиксировала активность. В три часа ночи, когда Илья крепко спал, его учетная запись была активна. Но дело было не в этом. В журнале значилось, что он работал с файлом «Проект\_Л», который существовал только в его собственной, зашифрованной папке, доступ к которой был только у него. Илья открыл этот файл.

Внутри не было текста. Весь документ, состоящий из тысяч строк параметров и статистических выкладок, превратился в сплошной, повторяющийся поток цифр, выстроенных в геометрически идеальную фигуру. Она напоминала схему, которую он видел во сне, или структуру, которую пытался уловить в «белом шуме» города.

Илья перепроверил системное время — ошибок не было. Он попробовал открыть кэш, чтобы посмотреть, кто именно вносил изменения, но вместо имени пользователя или IP-адреса в графе «Автор» стояло пустое поле. Только странный, пульсирующий символ, который, казалось, слегка дрожал на дисплее, как марево над горячим асфальтом.

Он откинулся на спинку стула, чувствуя, как холод, который он ощутил утром от кожи Алёны, теперь просачивается в само помещение офиса. Это не было хакерской атакой. Это было похоже на то, будто сама система «Терралинка» начала видеть то же, что и он.

В обеденный перерыв они со Светланой по традиции перешли дорогу, чтобы выпить кофе в маленькой кофейне «Уютный угол». Вокруг пахло корицей и свежей выпечкой, за панорамным окном лениво несла свои воды река Тихая. Илья молча крутил в пальцах чашку с американо, не прикасаясь к напитку. Когда он взглянул на настенные часы в кофейне, минутная стрелка на долю секунды дернулась назад, словно запинаясь о воздух. Он протер глаза — всё стало нормально. Ему показалось.

— На тебе лица нет, Воронов, — Светлана внимательно посмотрела на него поверх своего капучино. — Что-то стряслось? Ты какой-то дерганный с самого утра.

Светлана была единственным человеком в «Терралинке», с кем он мог позволить себе быть собой. Их ежедневные кофейные вылазки стали тем якорем, который удерживал его в рамках нормальности среди бесконечных отчетов и бюрократии. Он очень хотел вывалить на неё всё, что увидел, но в последний момент язык не повернулся. Рассказать? И прослыть сумасшедшим? Нет.

самому: мир всё еще принадлежит ему.

— Свет, — вдруг произнес он — Я, кажется, решил. Насчет Алёны.

Светлана остановилась, и её строгое лицо мгновенно преобразилось — в глазах промелькнула искренняя, теплая радость. Она знала, как много значила Алёна для этого закрытого парня.

— Ты серьезно? — она улыбнулась. — Воронов, ты же тянул с этим целую вечность! Ну наконец-то. И как планируешь?

Илья смущенно потер затылок, чувствуя, как навалившаяся утром тревога на секунду отступила.

— Не знаю. Хочется чего-то... не как в кино. Просто, чтобы она поняла, как она мне важна.

Светлана призадумалась, глядя куда-то в сторону окна, за которым виднелась панорама города.

— Послушай, если хочешь, чтобы запомнилось... отвези её на Старый маяк. Дорога туда сейчас плохая, но вид оттуда — самый красивый во всем Люминаре. Особенно на закате, когда город внизу кажется не набором бетонных коробок, а чем-то живым. Поверь, она оценит.

— Маяк... — повторил Илья. Идея отозвалась внутри странным спокойствием. — Спасибо, Свет. Я подумаю.

Вернувшись из кофейни, Илья сел за стол и посмотрел на экран. Ноутбук работал безупречно, в офисе стоял привычный гул кондиционеров и тихое шуршание бумаг. Всё было как обычно. Но теперь, глядя на пустую строку рабочего стола, он чувствовал себя человеком, который заглянул за кулисы привычного порядка и увидел там трещину.

У него в кармане тихо завибрировал телефон — пришло сообщение от Алёны: «Купи молока по дороге домой, пожалуйста». Простая просьба, кусочек уютной, стабильной жизни. От этого контраста с утренним оцепенением внутри всё сжалось. Он ответил «Хорошо, куплю», убрал телефон в карман и постарался сосредоточиться на рутинных отчетах. Рабочий день тянулся медленно, заполненный скучными цифрами, таблицами и монотонным стуком клавиатур коллег.

Офис жил своей размеренной жизнью. За окнами постепенно сгущались сумерки, зажигались первые фонари, а сотрудники один за другим закрывали программы и собирались домой. Светлана помахала ему рукой со своего места и первой направилась к выходу.

Илья остался за столом один на один с недописанным отчетом. Вокруг стояла привычная вечерняя тишина, прерываемая лишь ровным гулом серверных шкафов. Он снова посмотрел на монитор, где мерцал стандартный рабочий стол, и перевел взгляд на чашку остывшего кофе.

Обычный рабочий день подходил к концу. Он списал утренний сбой на переутомление и сбой в локальной сети, убеждая себя, что всё под контролем. Но тяжелое, липкое чувство тревоги никуда не делось — оно просто затаилось на задворках сознания, ожидая, пока затихнут последние шаги в пустеющем офисе.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Там, где обрывается мир

29 октября 2026 года, 17:15. Люминар. Офис «Терралинк».

После обеда время окончательно исказилось. Рабочий день просочился сквозь пальцы в состоянии липкого, полусонного оцепенения. Илья машинально проверял чужой программный код, вяло отбивался от рабочих писем и посещал пустые летучки. Действия напоминали танец марионетки, за которой он наблюдал со стороны. Однако внутри, пробивался тонкий, хрупкий росток надежды. Казалось, стоит лишь сделать этот шаг, стоит лишь Алёне ответить согласием, как мир, трещащий по швам, вновь обретет утраченный, правильный смысл.

Илья застыл за рабочим столом, впившись взглядом в мерцающий монитор. На экране ровными, бездушными рядами строились таблицы данных, но аналитик их не замечал. Его взгляд, подернутый пеленой тревоги, скользил сквозь пиксели и толщу глухих офисных перегородок, устремляясь в ту точку пространства, где он жаждал оказаться с наступлением сумерек.

Осторожно, словно боясь вспугнуть затаившееся в ящике стола недоброе предчувствие, Илья коснулся пальцами бархатной коробочки. Он не стал приподнимать крышку — он помнил каждую деталь простого золотого кольца, скрытого внутри. На внутренней грани ювелир старательно вывел короткую, почти заклинательную фразу: «Тишина — это я с тобой».

«Я не владею искусством красноречия, — пульсировала мысль, пока ладонь сжимала прохладный бархат. — Не мастер громких, показушных жестов. Но я умею охранять её покой. И я жажду делить эту звенящую тишину с ней. До последнего вздоха, отмерянного нам судьбой».

В начале шестого Илья наконец захлопнул ноутбук. Накинув кожанку, он поспешил прочь из офиса: по лестнице, в вестибюль. Светлана у поста охраны, как обычно, провожала сотрудников взглядом. Увидев Илью, она коротко кивнула, и в этом жесте он уловил то ли сочувствие, то ли предчувствие, которое заставило его сердце на секунду пропустить удар.

Он вышел на улицу, где город уже готовился к закату, и направился к дому, чтобы забрать Алёну. Маяк ждал.

На город опускались ранние, хищные сумерки. Люминар затихал, а фонарные столбы один за другим выплевывали в сизый воздух лучи мертвенно-бледного света. Илья то и дело проверял карман — коробочка тяготила, ощущаясь сквозь ткань тяжелым, свинцовым грузом.

Когда он повернул ключ и переступил порог, Алёна была на кухне. Она стояла у стола, спиной к нему, методично шинкуя овощи для ужина. Угасающий свет из окна, пробиваясь сквозь сумерки, подсвечивал её каштановые волосы, отливающие мягким медовым светом. Заметив движение, она обернулась, озарив пространство улыбкой, от которой страхи Ильи на мгновение отступили в тень.

— Ты сегодня рано, — заметила она, откладывая нож. — А я была уверена, что ты опять завяз на перепроверке серверов.

Илья промолчал. Он замер в коридоре, глядя на неё, и ледяное понимание пронзило сердце: если не решиться сейчас, то не решиться уже никогда. Воздух в квартире казался наэлектризованным, сгустившимся, словно перед разрядом сокрушительной грозы.

— Алён, я... хочу пригласить тебя на свидание, — выдохнул он, и голос прозвучал чуждо.

Девушка удивленно изогнула бровь.

— Свидание? Мы делим один быт, Воронов. Что за блажь посреди недели?

— На маяк. Мы постоянно откладывали этот поход на потом. Пойдем сейчас.

Алёна звонко рассмеялась, и этот чистый, хрустальный звук на секунду разогнал сгущающийся мрак.

— Ты серьезно? Старый маяк? В конце октября, когда ветер с реки пробирает до костей?

— Я хочу, чтобы мы встретили закат там. После смерти старого Эйнара он заброшен, но смотровая площадка открыта. Пойдем.

Алёна внимательно всмотрелась в его лицо, пытаясь разгадать тень, залегшую под глазами. Затем мягко подошла и коснулась его бледной щеки теплой ладонью.

— Ладно, романтик. Но учти: на обратном пути с тебя самый большой эклер.

Алёна быстро накинула пальто и замоталась в объемный шарф, выглядя в нем почти по-детски беззащитной. Илья помог ей закрыть замок — пальцы слегка дрожали, и он сжал их в кулаки, чтобы она не заметила.

Они вышли из подъезда, и город встретил их давящей пустотой. Улицы, которые обычно в это время были заполнены людьми, возвращавшимися с работы, казались неестественно пустыми. Лишь где-то вдалеке едва слышно гудела одинокая машина, будто пытающаяся пробиться сквозь невидимый барьер.

— Странно, — пробормотала Алёна, кутаясь в шарф. — Где все? Даже собак не слышно.

Илья ничего не ответил. Он держал её за руку, чувствуя исходящее от неё тепло, которое сейчас казалось ему единственным настоящим доказательством того, что он всё ещё существует.

Путь к маяку пролегал через окраину, где бетонные башни «Терралинка» уступали место старым, поросшим диким плющом постройкам. Здесь воздух пах рекой и сырой землей. Илья чувствовал на себе чей-то взгляд — не людей, нет. Ему казалось, что сам город, каждый кирпич в кладке этих старых домов, внимательно наблюдает за ними, будто взвешивая, стоит ли позволить им дойти до цели.

По мере того как они отдалялись от центра, город становился всё более безлюдным. Уличные фонари здесь горели с перебоями, выхватывая из темноты облупившиеся стены домов. Алёна шла рядом, иногда напевая что-то под нос, но Илья едва её слышал. В его голове, словно на киноплёнке, крутились кадры из того самого семестра.

Воспоминание о том вечере проступило сквозь гул нарастающей тревоги, словно старая фотография, проявившаяся в темноте.

Где-то за тонкой стеной гостиной надрывался басовитый студенческий рок, в прихожей пахло дешевым полусладким вином, чужими духами и табачным дымом, но здесь, на узком продуваемом балконе, воздух казался чище и острее.

Алёна стояла, обхватив себя руками за плечи, и смотрела на темные квадраты окон соседних хрущевок. В её профиле, освещенном тусклым желтым светом фонаря, было что-то неуловимо книжное, старорежимное — будто она случайно заблудилась на этой шумной вечерке физиков и программистов из какой-то викторианской эпохи.

— Ты ведь на «программной инженерии», да? — спросила она, не поворачивая головы, но уголки её губ едва заметно дрогнули в улыбке. — Считаешь алгоритмы, строишь системы. Наверное, для тебя весь мир — это сплошной код, который можно отладить и исправить.

Илья, застывший у дверного проема с пластиковым стаканчиком в руке, смущенно кашлянул. Он чувствовал себя неловко рядом с ней — студенткой-филологом четвертого курса, которая уже заканчивала писать сложный диплом по позднему Достоевскому. Для него гуманитарные науки всегда казались стихией хаоса, но сейчас этот хаос казался пугающе притягательным.

— Не весь мир, — ответил он, чувствуя, как от волнения начинает колотиться сердце. — Только то, до чего дотягивается логика. А вот литературу я, честно говоря, почти не открывал со школы. Всё больше техническая документация, мануалы... Наверное, это стыдно для человека с высшим образованием, но я даже Достоевского толком не читал. С чего вообще начинают знакомство с его творчеством? С «Преступления и наказания»? Все ведь начинают с него.

Алёна наконец повернулась к нему. В её зеленых глазах вспыхнул озорной, лукавый огонек, который мгновенно разрушил всю дистанцию между ними. Она качнула головой, и прядь каштановых волос выбилась из прически, упав на лоб.

— Нет, банальщину вроде Раскольникова мы оставим для школьной программы, — улыбнулась она, чуть прищурившись. — Начни с «Идиота». Он самый странный, как и ты.

Илья тогда только растерянно моргнул, не зная, воспринимать это как комплимент или как диагноз, но внутри всё замерло от странного, острого тепла.

Теперь, вспоминая этот диалог спустя пять лет, он отчетливо понимал, насколько она была права. Их общая «странность» действительно стала их единственным надежным убежищем в этом мире, который стремительно катился к хаосу.

Он зябко повел плечами, возвращаясь из воспоминаний в реальность, и машинально проверил карман пальто, где лежало то самое обручальное кольцо. До маяка оставалось совсем немного пути.

Но сейчас, глядя на её профиль, подсвеченный мертвенным светом редких фонарей, Илья чувствовал укол страха. Воспоминания были такими яркими, такими осязаемыми, что контраст с окружающей действительностью — с этой вакуумной тишиной города, с кислотным небом над маяком — казался почти болезненным.

«Я ведь строил этот мир для нас, — подумал он, чувствуя, как коробочка в кармане неприятно холодит бедро. — Строил его из наших записок, из наших молчаний, из нашего Достоевского. Почему же он сейчас кажется таким хрупким?»

— О чем задумался? — Алёна остановилась, заметив, что он отстал на шаг. — Ты какой-то сегодня... нездешний. Как будто пытаешься вспомнить что-то важное, но оно ускользает.

Илья посмотрел на неё — на её зеленые глаза, в которых до сих пор таилась та самая «спокойная уверенность». Он просто сделал шаг вперед и взял её за руку, переплетая свои пальцы с её.

— Вспоминал, как ты сказала, что я странный, — тихо ответил он. — До сих пор думаю, что ты имела в виду.

— Илья, — она рассмеялась, и этот звук на мгновение пробил мертвую тишину города, — я до сих пор так думаю. Но именно поэтому мы и дошли до маяка.

Они посмотрели вверх. Маяк стоял совсем близко, черный и неприступный. Илья чувствовал: то, что он искал, ждет его там. То, что угрожало их миру, тоже ждало там.

Маяк возвышался на скалистом выступе, черный силуэт на фоне багровеющего неба. Он выглядел как заброшенный страж, забытый временем и людьми.

— Смотри, — прошептала Алёна, указывая на вершину. — Закат сегодня... странный.

Небо над маяком не было просто алым. Оно переливалось неестественными, почти кислотными оттенками фиолетового и серебристого, словно на холсте кто-то смешал краски, не следуя законам физики.

Илья сильнее сжал её ладонь. Он знал: это не просто закат. В этой звенящей тишине уходящего дня было что-то тревожное, неподвластное никакой логике и привычным рабочим будням, отчего на душе становилось только тяжелее.

Белый каменный столб маяка вырос из полумрака, словно безмолвный, слепой страж. Тяжелая дубовая дверь была чуть приоткрыта, приглашая путников в свое чрево, пахнущее сырым камнем, солью и тленом.

Они преодолели винтовую лестницу. Наверху неистовствовал ветер, но Алёна, казалось, его не замечала. Она подошла к кованым перилам, глядя на расстилающийся внизу город. Отсюда Люминар походил на игрушечные декорации, а река Тихая тускло поблескивала в предсмертных лучах оранжевого заката.

— Как здесь красиво... — прошептала она, и ветер подхватил слова, унося их в пустоту.

Илья сделал шаг. Сердце колотилось о ребра, как птица в клетке. Глядя, как закатное солнце угасает в её зеленых глазах, он понимал: это мгновение — решающее. Ломая робость, он медленно опустился на одно колено. Каменный пол обжег суставы холодом, но Илья этого не заметил.

Алёна обернулась, поняла всё без слов и прижала ладони к губам. Илья дрожащими пальцами открыл футляр, и золото тускло блеснуло в сгущающейся тьме.

— Алёна, — его голос прозвучал на удивление твердо, почти властно. — Я не умею подбирать слова. Но я знаю: до встречи с тобой моя жизнь была пустой, немой. Ты сделала мою тишину... живой. Ты — мой дом. Выходи за меня.

По щекам Алёны покатались слезы. Она часто-часто закивала, не снимая рук с лица.

— Да... Господи, Илья, да! — всхлипнула она.

Он надел кольцо на тонкий палец. Алёна порывисто прильнула к нему. Илья закрыл глаза, вдыхая её запах, и на краткий миг мир вокруг замер в абсолютном, идеальном Порядке.

Она вздрогнула. Это не было похоже на испуг или простой обморок — пространство вокруг Алёны внезапно натянулось, как кожа на барабанах перед разрывом. Её тело, ещё секунду назад тёплое и податливое, вдруг стало жестким, неестественно прямым. Она отстранилась. В глазах, где только что отражался закат, теперь плескалась холодная, космическая пустота. Алёна смотрела не на Илью — она смотрела сквозь него, в ту черную, разверзшуюся бездну, что медленно поглощала остатки дня. На её лице застыла маска нечеловеческого осознания. Она видела то, что должно оставаться скрытым от глаз живых.

Её колени подогнулись беззвучно, будто невидимая сила перерезала жилы. Она не упала — она обрушилась, как рушится здание, у которого выбили сваи из-под фундамента.

— Алёна?! — крик Ильи ударился о каменные стены и вернулся эхом — чужим, визгливым, неузнаваемым.

Он рванул к ней, но воздух стал вязким, почти твердым. Пальцы, еще мгновение назад сжимавшие её ладони, беспомощно скользнули по плечам. Удар. Глухой, тошнотворный звук — голова коснулась пористого камня парапета. Этот звук — «тук» — навсегда врезался в память, став точкой отсчета новой, ледяной реальности.

Илья рухнул рядом, в пыль и соль смотровой площадки. Руки дрожали так, будто сквозь них пропускали ток высокого напряжения. Он подхватил её, пытаясь вернуть в реальность, встряхнул — слишком резко, отчаянно. Голова качнулась безвольно, как у сломанной фарфоровой куклы.

— Алёна, посмотри на меня! Алёна, хватит! — он хрипел, захлебываясь собственным ужасом.

Её глаза... Они были широко распахнуты. В них больше не было ни тепла их прогулок, ни нежности их ночей. Только стекло. Стекланный, немигающий взгляд в небо, где уже начали проступать первые ледяные звёзды. Илья прижался ухом к её груди, умоляя услышать хоть трепет, хоть слабую вибрацию жизни.

Тишина. Не та уютная тишина, о которой он грезил, а пустота вакуума. Безмолвие космоса, где нет звуков, нет воздуха, нет любви.

Под слоем старой, облупившейся побелки что-то заворочалось, зашевелилось с мерзким, сухим хрустом, будто под штукатуркой проснулась тысяча невидимых насекомых. Камень маяка начал плавиться, теряя плотность, превращаясь в раскалённую, текучую массу. Из трещин хлынул ослепительный, мертвенно-голубой свет, пахнущий озоном и тлением. На глазах рождались знаки — ломаные, чужеродные руны и геометрические переплетения, которые не подчинялись никакой земной логике. Они напоминали одновременно застывшие разряды молний, древние математические формулы безумия и шрамы на самой ткани пространства. У этих узоров не было алфавита, но стоило Илье взглянуть на них, как холодная волна ужаса ударила ему прямо в мозг. В висках зазвенело от невыносимого инфразвука, дыхание перехватило, а ноги налились свинцом — сознание мгновенно расширилось, против воли впуская чужой, ледяной разум. Свет от выжженных на стене символов отразился в остекленевших глазах Алёны. Это был не свет заката. Это был свет конца.

Илья не помнил, как поднялся. Не помнил, как дрожащие пальцы выбили на экране три цифры. Он вылез в трубку, захлебываясь рыданиями, не в силах объяснить диспетчеру, что этот маяк — не просто старое здание, что здесь открылась дверца в ад.

Бригада скорой... Они возникли из темноты, словно призраки. Их белые халаты казались ослепительными, чужеродными в этом забытом месте.

— Отойдите, молодой человек! — чей-то грубый голос прорезал туман в голове Ильи.

Руки — быстрые, деловитые, абсолютно безразличные — терзали её тело. Разряд. Ещё разряд. На каменном полу, среди холодной сырости маяка, пищал зуммер привезенного с собой портативного дефибриллятора. Сперва прерывистый, звук вдруг слился в сплошной, пронзительный визг, от которого, казалось, должны были лопнуть барабанные перепонки.

— Скажите, что с ней? — голос Ильи сорвался на хрип, превратившись в жалкий, беспомощный шепот. Он попытался сделать шаг вперед, но кто-то из фельдшеров грубо, не глядя, оттолкнул его с дороги. — Ну же! Сделайте что-нибудь! Она же дышит, правда?

Ему никто не ответил. Только новые капли пота на лбу врача и глухие, механические толчки компрессий, сменявшиеся сплошной линией — тем горизонтом, за который она ушла и откуда нет возврата. Когда медики наконец остановились и молча накрыли её лицо белой простыней, Илья перестал существовать, превратившись в пустую оболочку, внутри которой продолжал биться немой, бесконечный вой. Дальше потянулись серые часы кошмара: спуск носилок по узкой винтовой лестнице, воющая сирена и гулкие коридоры городского бюро судебно-медицин-

ской экспертизы, где он помнил лишь ослепительный, мертвенно-холодный свет ламп, резавший глаза, словно бритва. Распорядитель в потертом халате совал ему какие-то бессмысленные бланки, требуя подписи и задавая дежурные вопросы — как будто это имело хоть какое-то значение для того, что превратилось в прах, а Илья послушно подписывал всё не глядя, пока его чужая, безвольная рука не дрогнула, заставив его в какой-то момент сползти по облупившейся стене на жесткий пластиковый стул и затихнуть, не крича, а лишь содрогаясь всем телом и осознавая всю глубину своего абсолютного, необратимого одиночества посреди этого стерильного ада.

Домой, в опустевшую квартиру, Илья вернулся на такси ближе к полуночи. В прихожей его ударило сильнее, чем на самом маяке. На кухонном столе лежали овощи — недорезанные, брошенные в спешке. Нож лежал рядом. Она была здесь всего полтора часа назад. Она смеялась. Он обещал купить ей самый большой эклер, чтобы она простила ему этот нелепый каприз с маяком.

Илья стоял в центре кухни, чувствуя, как их быт, который они кропотливо выстраивали три года, рассыпается в труху. Он достал из кармана второе кольцо. Свое. Оно казалось непомерно тяжелым. Илья сжал его в кулаке так, что грани врезались в кожу до крови — острая боль была единственным, что связывало его с реальностью.

Телефон завибрировал. Никита.

Илья смотрел на экран, и в памяти всплыл тот самый первый курс, лекция по высшей математике, где этот рыжий, веснушчатый парень бесцеремонно подвинул его локоть.

Илья тогда с абсолютно несчастным, перегруженным видом пытался конспектировать лекцию преподавателя-зануды, запутавшись в дебри терминов. Никита скосил глаза на его исстрадавшийся блокнот, хмыкнул и тихо бросил через плечо:

— Ты сейчас похож на парня, который смотрит «В мире животных» и судорожно записывает рецепт выживания. Хватит чахнуть.

С тех пор Никита стал его персональным «генератором шума» и единственным якорем в мире, который Илья так отчаянно пытался упорядочить. Они прошли через всё: через бытовой хаос их съемной трешки в Старом районе, через приступы меланхолии Никиты и через ту самую вечеринку у Олега, где Никита — в своем репертуаре — силком вытащил его из зоны комфорта и познакомил с миром, где существовала Алёна. Никита был для него единственным человеком, который понимал эту странную, крепкую связь между ними — двумя противоположностями, ставшими фундаментом друг для друга.

Илья ответил на звонок.

— Илюха, здорово! Чего киснем? Может, выберемся завтра в бар, посидим как в старые добрые? Ты как там вообще, живой?

Илья хотел кричать — о том, что небо провалилось, что Бога нет, а есть лишь холодная надпись на камне маяка. Но голос оказался сухим, ломким.

— Алёна умерла.

Пауза. Никита, который всегда мог очаровать декана или разрядить любую обстановку, замолчал. В этой тишине Илья услышал дыхание смерти, которая теперь поселилась в их квартире. Она сидела в углу, она дышала из прихожей, она ждала.

— Илья, это паршивая шутка... — голос друга дрожал от ужаса.

— Мы были на маяке. Она просто упала. Её больше нет.



— Так, молчи, — голос Никиты мгновенно ожесточился, в нем проступила сталь, которую Илья слышал лишь тогда, когда друг вставал на его защиту в институте. — Я еду. Сиди дома. Никуда не выходи.

Через двадцать минут в дверь постучали. На пороге стоял бледный, запыхавшийся Никита. Он не задавал вопросов, не тратил сил на пустые соболезнования. Он молча запер дверь, сел рядом с Ильёй на пол прихожей — так, как садился много лет назад после их первых серьезных передраг — и положил руку ему на плечо.

Так они и сидели в темноте до самого рассвета. Двое мужчин в квартире, где пахло корицей и недорезанными овощами — запахом жизни, которая закончилась короткое время назад.

## ГЛАВА ПЯТАЯ. Тени прошлого

30 октября 2026 года, 07:15. Люминар. Квартира Ильи Воронова.

Илья очнулся оттого, что телефон на тумбочке забился в предсмертной вибрации. Звук, разрезавший тишину, показался ему визгом циркулярной пилы. Он не помнил, как оказался на диване: под утро, окончательно измотанный, он перебрался туда с пола прихожей, где они с Никитой просидели всю бесконечную ночь.

Они почти не разговаривали. Никита, чье лицо за эти часы посерело, словно старая ветошь, не стал допытывать друга расспросами. Он просто сидел в кресле напротив, поджав ногу, и охранял тишину. Изредка он бросал короткие, почти механические фразы, чтобы заполнить вакуум, который казался физически осязаемым, тяжелым, как свинец.

Теперь в квартире царила кладбищенская тишина. Света не хватало — октябрьское утро пробивалось сквозь грязные окна мутным, больным светом.

Илья с трудом сфокусировал взгляд на экране: высветился незнакомый городской номер. Он принял вызов, чувствуя, как ледяной пластик корпуса обжигает ладонь.

— Воронов Илья Андреевич? — голос в трубке был сухим, казенным, лишенным человеческой искры. — Вас беспокоит дежурный детектив отдела полиции Нового района. Немедленно явитесь в участок для дачи показаний по факту скоропостижной кончины гражданки Волковой Алёны Николаевны. Без задержек.

— Я буду, — отрезал Илья и сбросил вызов.

Он лежал, впившись взглядом в белесый потолок. В сознании не шевелилось ни единой мысли о допросе — там простиралась лишь выжженная, безмолвная пустыня. Но он понимал: этот круг ада неизбежен.

Никита бесшумно поднялся. На его осунувшемся лице читалась глухая, стальная решимость.

— Из участка?

— Да. Требуют показания.

— Я отвезу, — отсек Никита, перехватывая ключи. — Пешком ты не дойдешь: сдует под первый же автобус на перекрестке.

Они вышли в сырой, ядовитый утренний туман. Старенькая серебристая “Тойота” завелась с натужным стоном, и машина тронулась, рассекая полумрак центрального проспекта. За стеклом уныло плыли блеклые коробки многоэтажек Люминара. Когда авто замерло у серого, давящего своей массой здания городского управления, Никита развернулся к другу:

— Я не буду торчать на парковке, смысла нет. Как закончишь с допросом — сразу набирай. Я приеду за тобой, или решим, что делать дальше. Понял?

Илья молча кивнул. Никита смотрел в спину уходящему другу, пока тот не скрылся за тяжелыми дверями дежурной части, а затем развернул машину и поехал прочь, терзаемый собственным бессилием.

Допрос проходил в тесном, мрачном кабинете на втором этаже. Потолок казался низким и давящим, штукатурка расползалась уродливыми трещинами, а люминесцентная лампа под потолком раздражающе мерцала, как умирающий пульс. Комната насквозь пропиталась смрадом дешевого табака, сырости и пыльной архивной безнадеги.

Напротив Ильи, за столом, заваленным папками, сидел майор Владимир Андреевич Сурков. Человек лет сорока пяти, словно вытесанный из грубого, необ-

работанного камня: тяжелая, выдающаяся вперед челюсть, глубокие рытвины морщин и абсолютно мертвые, пронизательные серые глаза. Сурков служил здесь два десятилетия, обладал звериным чутьем на ложь и не верил в случайности. Его взгляд, холодный и скальпельно острый, заставлял подследственных выворачиваться наизнанку.

Майор откинулся на скрипучую спинку стула, методично постукивая колпачком ручки по дереву. Он понимал: этот бледный, сломленный айтишник — не убийца, но профессиональная деформация требовала выжать из ситуации всё до последней капли.

— Итак, Воронов, — голос Суркова напоминал гул высоковольтного трансформатора. — Вы настаиваете, что гражданка Волкова просто упала? Без постороннего вмешательства?

— Да, — Илья выдавливал слова, словно сквозь слой плотной, удушающей ваты.

— Она не оступилась на парапете? Вы не сцепились в ссоре? Под ногами не было скользко?

— Нет. Мы не ссорились. Она согласилась выйти за меня. А потом... из неё словно вынули саму жизнь.

Сурков иронично приподнял бровь, глаза превратились в узкие щелочки.

— «Вынули жизнь»? Вы поэт, Воронов? Или прикрываете этой метафорой нечто более приземленное и кровавое?

— Я описываю то, что видел своими глазами, — глухо, но отчетливо произнес Илья.

Этот «допрос» превратился в бесконечный, бессмысленный ритуал. Илья превратился в идеальную стену: он не лгал, но и не отдавал ни крупинцы истины. Его состояние — это та самая «тишина вакуума», о которой он грезил на маяке, только теперь она стала его броней.

Этот изнурительный ментальный танец продолжался без малого три часа. Сурков раз за разом гонял парня по одной и той же хронологической цепочке, менял формулировки, пытался подловить на мелких противоречиях. Но Илья отвечал монотонно, без капли агрессии или страха. Ему было попросту всё равно. Он чувствовал, как внутри растет колоссальная, ледяная пустота, вытесняя любые эмоции.

Майор, привыкший к тому, что под его давлением люди либо ломались, либо начинали яростно защищаться, вдруг столкнулся с абсолютной пустотой. Его методы — шум, давление, блеф — разбивались о безразличие Ильи, как волны о гранит.

В какой-то момент Сурков устало откинулся на спинку стула, перестал крутить ручку и внимательно, почти с любопытством посмотрел на парня. Его ярость утихла, сменившись холодным профессиональным анализом. Он понял, что перед ним больше не «подозреваемый» и даже не «свидетель». Перед ним был человек, который уже находился где-то очень далеко, за пределами этой комнаты, этого города и, возможно, самой реальности.

В одиннадцатом часу дверь кабинета без стука отворилась. На пороге появился пожилой судмедэксперт в нелепо висящем на нем белом халате и очках с толстыми линзами. Он молча опустил на стол перед майором тонкую папку с предварительным отчетом и бросил на Илью мимолетный, полный усталого сочувствия взгляд.

— Внезапная остановка сердца, Володя, — сухо резюмировал эксперт, обращаясь к следователю. — Острая сердечная недостаточность. Девчонка была абсолютно

здорова, никаких патологий. Ни следов борьбы, ни токсинов, ни насилия — криминала нет. Черепно-мозговая травма получена уже посмертно, в момент падения.

Илья слушал этот медицинский вердикт, и каждое слово ложилось на душу неподъемным кирпичом. Врачи зафиксировали следствие, но истинную причину — ту золотистую надпись на камне и задыхающуюся тьму, сгустившуюся над мысом, — они вписать в бланк не могли.

Сурков внимательно изучил заключение, шумно вздохнул и закрыл папку. В его глазах мелькнуло профессиональное разочарование: дело закрывалось, не успев начаться, зацепиться было не за что.

— Что ж, Воронов... Свободны. Подпишите подписку о невыезде, на всякий случай, — следователь чуть заметно качнул головой, отводя глаза. — И... примите мои соболезнования.

Илья не ответил.

Помощник следователя монотонно зачитывал стандартные положения о надлежащем поведении, пока Илья, не вникая ни в одно слово, ставил размашистую подпись в нужных графах. Каждое движение руки казалось ему чужим, словно он наблюдал за этим кошмаром со стороны, сквозь толщу воды.

— Воронов И.А., распишитесь здесь за получение, — сотрудник молча пододвинул к нему плотный пластиковый пакет с вещами Алёны, изъятыми при осмотре на маяке.

Илья опустил взгляд на знакомую ткань её куртки, пропитанную сыростью, и внутри него окончательно оборвалась последняя струна.

Илья дрожащими пальцами принял пакет. Ткань её куртки, пропитанная запахом морской соли и того самого, теперь уже чуждого, аромата её духов, обожгла ладони. Он не глядя нащупал на дне что-то твердое и маленькое.

Кольцо.

То самое кольцо, которое он надел ей на палец всего за минуту до того, как мир превратился в пепел. Металл был холодным, но в его сжатой ладони он мгновенно нагрелся, будто пытаясь передать остаточное тепло её кожи. На внутренней стороне, там, где была гравировка, он почувствовал царапину — или это была трещина?

Илья сжал кулак так сильно, что ободок кольца впился в кожу, оставляя глубокий след. Этот крошечный кусочек золота теперь весил больше, чем весь этот город. Он был единственным реальным доказательством того, что всё случившееся не было бредом, что Алёна существовала, что их жизнь была чем-то большим, чем просто «битым файлом» в системе чьего-то безумного эксперимента.

Он не стал звонить Никите. Ему необходимо было пройти. Шагая по серым, словно выцветшим тротуарам, Илья невольно провалился в воспоминания трехгодовой давности. Тот вечер, когда он впервые привел Алёну знакомиться с родителями в небольшой семейный ресторанчик у реки.

Мама Оксана Валерьевна, тогда страшно суетилась, без конца поправляла прическу своей праздничной укладкой и расспрашивала девушку обо всем на свете. Для неё семья всегда была чем-то священным, незыблемым — как старый сервиз, передаваемый из поколения в поколение. Папа Андрей Романович, всю жизнь проработавший инженером на заводе, сидел со своим неизменным суровым видом, привыкший к тому, что порядок в доме и в жизни держится на дисциплине и честном труде. Но Илья подметил, как теплели его глаза каждый раз, когда Алёна мягко и спокойно отвечала на материнские тирады.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.